

Валерий Ганичев
г. Москва, Россия

НЕОПРОВЕРЖИМ И ВОЗВЫШЕН

8 апреля в Москве в знаменитом доме Пащикова Российской государственной библиотеки был представлен в авторской редакции роман «Тихий Дон», подготовленный на основе рукописей Михаила Александровича Шолохова, находящихся в государственных научных архивах.

Публикация издания осуществлена при участии Международного Шолоховского комитета (председатель А. В. Черномырдин) Союза писателей России и других организаций. Редакционную и научную подготовку издания эпопеи осуществляли А. Ф. Стручков и С. М. Шолохова. Новое издание «Тихого Дона» будет отправлено в национальные университеты и библиотеки многих стран.

Тихий Дон!.. Тихий Дон!.. Тихий Дон!..

Торжественный и величественный звон слышится в этих словах. Возвышенная, тревожная и почти божественная музыка, которая сведена в великом романе в одну эпопею земли и неба.

Откуда же появился этот художественный монолит, переплавившийся в другие языки мира, в литературном океане?.. Как чутко настроенное ухо, гениальное чутьё исторических событий были камертонно воспроизведены Шолоховым в яркую многоголосицу русского живого народного слова? Что за волшебство сплело воедино разных людей в коловерти истории, а их думы и дела свело в романе воедино в истинное полотно жизни?

Как удалось Шолохову гравюрно прорезать в потоке времени и событий лица, создать, выпестовать из них образы, близкие к реальным прототипам, и художественным умением возвысить их до уровня героев мировой литературы в слово-творении – романе «Тихий Дон»?

Под силу ли это одному человеку?

По пирамиде Хеопса, китайской оборонной стене, удивительным строениям древних инков, по московскому Кремлю и Эйфелевой башне будут мерить потомки прошлое Земли. А рядом встают из слов тканые «Илиада» Гомера, шекспировские «Ромео и Джульетта», «Дон Кихот» Сервантеса и, конечно, «Тихий Дон» Шолохова.

Появление и жизнь гения нелегко объяснить современникам, да и потомкам, а нутром понимая величие произведения, порой об его авторе начинают спорить, рассуждать, сомневаться, «было, не было», а был ли это плод творчества одного или нескольких человек, как утверждали некоторые рациональные англичане о Шекспире. Порой же наоборот, некоторые стараются разрывать гения на части и тем возвеличивать себя, как это делали города Греции, пытаясь присвоить Гомера, принизить гения до своего уровня мышления...

Так случилось и с Шолоховым. Роман «Тихий Дон» непревзойдён, это оспаривали немногие, по то, что его творец, почти юноша, – а услышал божественные колокола и воспроизвёл музыку жизни в великом произведении, было выше их понимания, вызывало и вызывает глухое отрицание. Масштабность, честность «Тихого Дона» Шолохова пугали их, не хотелось верить в автора, – они и не верили, возражали, отрицали...

Народ же, казачество, простые люди во всех уголках необъятной страны читали книгу, омывались животворным словом, духом очищения, восхищались стойкостью Человека, насыщались жизнью героев романа, чрез них сверяли свою тяжкую долю и вспоминали пути братоубийственной гражданской войны.

В беседе Шолохова с сыном Михаилом оценка гражданской войны пророческая: «Когда там, по вашим учебникам, гражданская закончилась? В двадцатом? Нет, милый, она и сейчас ещё идёт. Средства только иные. И не думаю, что скоро кончится». А если со всей определённости, то «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, — говорил Шолохов на закате лет, – что ни победы, ни победителей в ней не бывает».

После смерти Шолохова я побывал со своей женой Светланой и внучкой Настенькой на празднике 95-летия со дня его рождения в станице Вёшенской. Прилюдно сказал слово о певце земли русской; прошёл вдоль плетней казачьих домов, где стояли столы с угощениями, выпил рюмку водки с казаками, закусил солёным арбузом и зашёл в шолоховскую усадьбу, дабы в который раз попрощаться, поклониться перед отъездом... На скамеечке, неподалёку от места упокоения писателя, сидели две очень пожилые женщины. Внучка Настя с открытостью двенадцатилетнего человека подошла к ним, познакомилась, с детской непосредственностью спросила о возрасте их, – те с готовностью ответили: «Восемьдесят и восемьдесят семь». В то время Настенька ещё только прикоснулась к «Тихому До-

ну», а потому любопытствовала: «Бабушки, а вы читали «Тихий Дон»?». Те с удивлением посмотрели на неё и наставительно объяснили: «А как же, деточка? У нас, у казаков, две главные книги – Библия и «Тихий Дон». Такова оценка труда писателя, которую дали мудрые женщины.

Не состоялось в XX веке большей духовной, литературной, народной книги, нежели «Тихий Дон» Михаила Александровича Шолохова.

Шолохов глубинно знает каждое слово. Шолоховская выверенность и точность поражают. Вспоминается случай, рассказанный писателем и другом Шолохова Николаем Корсуновым: «Видя, что Лукин (Ю. Б. Лукин – один из первых редакторов «Тихого Дона») записывает всё, Шолохов подчёркивает: – В названии романа «Они сражались за родину», слово «родина» – не с прописной... И некоторое время молчит, как бы желая увериться, понята ли его мысль. Каждый, мол, воевал и умирал за свою родину – родная хата, родные сад, тихая речка, любимая женщина, дети... Из этих, казалось бы, малых величин, понятий и складывается великое и однозначное – Родина... Удивительно, что все издатели-переиздатели проигнорировали это уточнение, эту волю писателя, оказавшись как бы «святее самого папы римского», придавая названию лозунговое звучание, что всегда претило такому большому, чуткому к слову художнику, каким был Шолохов».

Пред вами, уважаемый читатель, – роман «Тихий Дон» М. А. Шолохова в новейшем издании, очищенный от редакторских нововведений и временных наслоений, наполненный духом и многоцветием шолоховского письма, отринутых из-за редакторского схематизма, трафаретного подхода, из-за идеологических и политических пристрастий, невежества, языковой глухоты... Стараниями неутомимых Александра Федоровича Стручкова и старшей дочери писателя Светланы Михайловны Шолоховой «Тихий Дон» представлен в настоящем томе во всём его сиянии, блеске, с неповторимым шолоховским стилем и народным словом, со всем вселенским богатством русского языка.

Да будет Михаил Шолохов навсегда неопровержим и возвышен, как и надлежит несравненному гению!